

ЗЕМЛЯ, ЛЮБИМАЯ ДО БОЛИ...

И холода не пройдены,
И косточки б согреть,
И некуда от родины
Едиственной лететь.

В этих простых строчках Владимира Поташова в сущности и заключен глубинный смысл поэзии одаренного поэта.

Рожденный в 1941-м, с первых дней своей жизни побывавший с матерью в фашистском концлагере, он познает впоследствии всю горечь наших советских тюрем, зон и лагерей, и — не сломается, не утратит таланта и человечности.

Отец поэта, Тимофей Ефимович, погиб на фронте, а мать, Анна Ивановна, — в автомобильной катастрофе в 1946 году, и Володя оказался в детском доме. Все его наследство: два креста, две могилы отца и матери на Псковщине да значок «Отличник ВМФ»... Однако он ошибался, когда говорил так, ибо высшее наследство было даровано ему — высокий чекан настоящего поэта.

Исполнен ребячьего хмеля,
Не я ль у Петровских ботфорт
Стоял в фезеушной шинели
И чист, и наивен, и горд...

Цитировать его можно бесконечно. Настоящая, незамутненная поэзия светится в стихах. Отноше-

ние к слову у Поташова — это отношение само-
бытного мастера; но даже прямолинейное словцо
«братан» при обращении к читателю — не коро-
бит, т. к. он плоть от плоти земли и эпохи, он
естественен, прозорлив, а не манерен.

Предчувствуя смерть, он говорит о том, что
можно еще постоять у больничного окна: «Пока
ни скальпелем, ни плугом мою не развернули
грудь...». И спрашивает: «Отчизна, горестью ка-
кой меня одаришь напоследок?..».

Перед смертью Володе неслыханно «повезло».
Выходила (не дождался) книжка, стихи напеча-
тали в альманахе «Огни Кузбасса», в газетах, он
выступил по телевидению... и все его гонорары
ушли на единственный новый костюм и ботинки,
в которых он был положен в гроб. Но его лю-
бимая женщина, друзья, проводившие в послед-
ний путь, помнят его по стихам:

Это я ухожу, это я ухожу, смотри,
Улыбающийся и жующий травинку...

Семен Печеник